

Grigory Roytman

Таня Дашковская в стихах Бориса Слуцкого

В 1956 году Илья Эренбург публикует в “Литературной газете” статью “О стихах Бориса Слуцкого”, в которой с восхищением говорит о глубоком внутреннем демократизме поэта, демократизме близком некрасовскому. В этой же статье звучат следующие строки: “...Слуцкий никогда не писал ни о своей любви к женщине, ни о природе -- его муза была связисткой на фронте, пахала на корове, таскала камни на стройке”.

(Эренбург 1956: 6). И вправду, до болезни и смерти любимой жены Татьяны Борисовны Дашковской поэт посвятил любви только несколько стихотворений. И то это был скорее разговор вообще, разговор о социальном и нравственном аспекте любви, о бескомпромиссности и человеческом достоинстве. Слуцкий считал, что “неудачи в любви не бывает”. А вот жить с нелюбимой женой -- беда. Об этом у него стихотворение “Ключ”. Это -- тривиальная история о холостяке, который даёт ключ от своей “комнаты с отдельным входом” женатым друзьям, ищущим счастья на стороне:

Мои товарищи любили жён.
Они вопрошали всё чаще и чаще:
-- Чего ты не женишься? Эх ты, пижон!
Что ты понимаешь в семейном счастье?

Мои товарищи не любили жён.
Им нравились девушки с молодыми руками.
С глазами,
в которые,

раз погружён,
 Падаешь,
 падаешь,
 словно камень.
 (1991: 1, 158).

И хотя это серьёзный разговор с читателем, стихотворение -- очень молодое, весёлое, ироничное.

Слуцкий женился поздно, но на “девушке с молодыми руками”, очень любил её, а когда она заболела и умерла, “погрузился в девятилетнюю тьму” и ушёл из жизни. Но перед тем был написан удивительный “Танин” цикл -- стихи 1977 года, посвящённые памяти жены. Сначала ему казалось, что поэзия и на этот раз поможет ему выжить, как когда-то в госпитале после войны, после двух трепанаций черепа. В стихотворении “Тане”, впервые опубликованном в четвёртом номере Юности за 1977 год, он пишет: “Ушла. А мне ещё вставать и падать, и вновь вставать. Ещё мне не пора”. Это единственное стихотворение о смерти жены, напечатанное Слуцким. Уже потом в другом стихотворении мы прочитаем: “Я знаю, что ‘дальше -- молчание’, поэтому поговорим...”. Некоторые из этих стихов не доведены до “кондиции”, но в них стирается грань между искусством и жизнью. В связи с этим циклом, нельзя не упомянуть раннее стихотворение 1952-1956 годов “Бухарест”, в котором, несмотря на излишнюю сентиментальность, звучит нестерпимая боль потери: у лирического героя стихотворения, боевого капитана, гитлеровцы убили жену.

Как мы уже говорили, Слуцкий начал писать о Тане, когда в дом вошла беда, когда его Таня умирала. При жизни Тани было написано всего несколько стихотворений. Приведём одно из них:

Вот и проросла судьба чужая
 сквозь асфальт моей судьбы,
 истребляя и уничтожая
 себялюбие моё.

Вот и протолкалась эта травка
и поглядывает робко,
поднимая для затравки
тёмные, густые бровки.

Теми бровками глаза оправлены,
капли доброго огня.

Здравствуй, зайчик солнечный, направленный
кем-то в шутку
на меня.

(1991:2,356).

Какие добрые стихи! Можно подумать, что они связаны не с рождением любви к женщине, а с рождением ребёнка. К сожалению, Бог не даст Слуцкому детей. Он только раз обмолвится с горечью: “У людей -- дети. У нас -- только кактусы...”.

А вот строчки из первого стихотворения Слуцкого, посвящённого Тане:

Воспитан в духе жадной простоты
с её необходимостью железной
я трачу на съедобное, полезное,
а Таня любит покупать цветы.

.....

Вдруг тень её мелькает на стене.
Вдруг на столе горячий светик вспыхнет.
И что-то засветилось во мне:
цветок, цветок, цветок пришёл ко мне--
на малое великое подвигнет.

(1991:2,171).

Сравнивая это стихотворение со стихами Слуцкого о Ксении Некрасовой, где тоже упоминаются цветы, Илья Фаликов пишет:

“Эти две женщины невольно сливаются. Их сращивает поэзия или повод к ней... Слуцкий вообще склонен объединять женщин... Умение писать отдельную женщину было присуще ему, но долгое время он изображал женщин если не массово, то коллективно... Страсть, ревность, любовный восторг, брошенность женщиной -- ничего такого у Слуцкого нет.” (Фаликов 2000: 105, 106).

В общем соглашаясь с И. Фаликовым, скажем, что “Танин” цикл тесно связан с умением Слуцкого “коллективно” изображать женщин, а также с его умением “писать отдельную женщину”. Он связан с гражданскими стихами, посвящённым женщинам: молодым и старым, на войне или в послевоенное время. Об этих последних замечательно отозвалась И. Пруссакова:

Слуцкий писал не о женщинах, а о русских бабах. Не о тех женщинах он думал, которых любят, не о желанных, не о счастливых... Это вечная боль воинственной России -- её одинокие, молча вянущие бабы. А кто до Слуцкого коснулся её -- так чисто, так смиренно? Никто. В сущности ведь наша литература весьма недемократична... народ любить куда как удобнее, чем людей. (Пруссакова 1993:275).

Слуцкий написал всего несколько стихотворений о женщинах на войне, но согласимся с Давидом Самойловым, что строчки, “Я не выдам вас, будьте спокойны. Никогда. В самом деле, Слишком тяжело даются вам войны. Лучше б дома сидели” обращённые к девчёнкам-связисткам, “кому на войне всех страшнее”, принадлежат к одним из лучших на эту тему. (Самойлов 1995: 167). Такие же проникновенные строки звучат в стихах о танцующих солдатских вдовах:

Вот гармонисты гомон подняли,
И на скрипучих досках клуба
Танцуют эти бабы. По двое.
Что, глупо, скажете? Не глупо!

Их пары птицами взвиваются,
Сияют утреннею зорькою,
И только сердце разрывается
От этого веселья горького.

(1991: 1, 213).

А разве возможно забыть женские образы в таких стихотворениях, как “Старухи и старики”, “Старуха в окне”, “Как убивали мою бабку”, “Немка”.

В связи с “Таниным” циклом, нельзя не вспомнить ещё два подобных феномена: “денисьевский” цикл Тютчева и “фадеевский” Марии Петровых. Что касается других “несобранных” стихотворных циклов, известны “панаевский” цикл Некрасова, “утинский”

К. Павловой, и “полянский” Мея. Иосиф Бродский в своей статье, посвящённой стихотворению Марины Цветаевой “Новогоднее”, писал:

...Оплакивая потерю (любимого существа, национального героя, друга или властителя дум), автор зачастую оплакивает -- прямым, косвенным, иногда бессознательным образом -- самого себя, ибо трагедийная интонация всегда автобиографична... (Бродский 1992:86).

И хотя Слуцкий в стихах о Тане оплакивает самого себя, это никак не противоречит тому жертвенному чувству, той абсолютной поглощённости в судьбу человека, в данном случае самого близкого человека, которые так характерны для его творчества. Как мы уже говорили, смерть жены явилась одной из главных причин его многолетней депрессии, а потом смерти. В “Танин” цикл входят стихотворения 1977 года: “Тане”, “Небольшая синица была в руках...”, “Я был кругом виноват, а Таня мне...”, “Человек живёт только раз. Приличия...”, “То, что было вверено, доверено...”, “Мужья со своими делами, нервами...”, “Каждое утро вставал и радовался...”, “Мне легче представить тебя в огне, чем в земле...”.

“Последний взгляд”, “Переобучение одиночеству”, “Мой товарищ сквозь эту потерю прошёл...”, “Кучка праха, горстка пепла...” и несколько других.

Вот одно из этих стихотворений:

Небольшая синица была в руках,
 небольшая была синица,
 небольшая синяя птица.
 Улетела, оставив меня в дураках.

Улетела, оставив меня одного
 в изумленьи, печали и гнев,
 не оставив мне ничего, ничего,
 и теперь -- с журавлями в небе.

(1991:3, 387).

Это похоже на женский плач, на причитания. В “Танином цикле” Слуцкий как никогда раньше приближает стихи к фольклору. Здесь слышится та самая жалость, которая, по словам Самойлова, и является главным поэтическим чувством Слуцкого. Стихотворение начинается с анафоры. Прилагательное “Небольшая” повторяется три раза, “улетела” и “оставив”-- два раза. В седьмом стихе эпифора “ничего, ничего”. Благодаря этим повторениям происходит нагнетание экспрессии: “Улетела, оставив меня в дураках. Улетела, оставив меня одного”. И затем -- высокое, похожее на заклинание: “в изумленьи, печали и гнев”. Как замечательно звучат ассонансы на “е”, “и”. Стихотворение написано дольниками на основе трёхсложного и двухсложного анапеста. В словаре Даля мы находим несколько пословиц: “Не величка птичка синичка”, “Не величка синичка, да та же птичка”, “Не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот”. Небольшая синица, синяя птица -- символы хрупкого человеческого счастья, женственности. “И теперь -- с журавлями в небе”-- намёк на гамзатовских журавлей, на горькую песню Бернеса. Сила жертвенности такова, что кажется слова эти вырвались из женского сердца. Приглушённые рифмы во второй строфе не мешают трагическому звучанию стиха.

Оплакивая самого себя, автор оплакивает потерю жены. По словам Л. Лавлинского, Слуцкий здесь

...как бы возвращаясь к жизни, со стороны, что ли, недоумевая, оглядывается на свою беду..., но в этом стихотворении узнаёшь прежнего Слуцкого, часто вглядывавшегося в жизнь пристально-удивлёнными глазами, часто вспыхивавшего против её несправедливостей гневным чувством протеста. (Лавлинский 1989: 28).

Такие же щемящие строки звучат в другом стихотворении “Таниного” цикла:

Я был кругом виноват, а Таня мне
всё же нежно сказала: -- Прости!--
почти в последней точке скитания
по долгому мучающему пути.

Преодолевая страшную связь
больничной койки и бедного тела,
она мучительно приподнялась --
прощенья попросить захотела.

А я ничего не видел кругом --
слеза горела, не перегорала,
поскольку был виноват кругом
и я был жив,
а она умирала.

(1991:3,383).

Та же жалобная, разговорная интонация, прозаизмы, что и в предыдущем стихотворении. Повышение эмоциональной напряжённости достигается за счёт

повторов и анжанбемана сразу же в первой строке. Здесь есть эпитеты и метафоры, которыми поэт как никогда пользуется в “Танином цикле”: “...почти в последней точке скитания по долгому мучающему пути”, “Преодолевая страшную связь больничной койки и бедного тела”. Какие требуются усилия, чтобы произнести это многотрудное “преодолевая”. А как замечательно работают ассонансы и аллитерации: “слеза горела, не перегорала”. Тема вины, с которой начинается стихотворение, раскрывается в последних строчках: “...и я был жив, а она умирала”. Этой теме Слуцкий посвятил отдельное стихотворение. Вот строчки из этого стиха:

Мужья со своими делами, нервами,
чувством долга, чувством вины
должны умирать первыми, первыми,
вторыми они умирать не должны.
(1991:3, 388).

Слова Н. Берковского о “Денисьевском” цикле Тютчева можно отнести к Слуцкому. Н. Берковский пишет, что у Тютчева “сильный ищет спасения у слабой, защищённый у беззащитной”, и что это идёт от русской классической литературы. (Берковский 1962:76).

Приведём ещё одно стихотворение из этого цикла. В нём Слуцкий возвращается к тому времени, когда теплилась надежда, что Тане станет лучше:

Каждое утро вставал и радовался,
как ты добра, как ты хороша,
как в небольшом достижимом радиусе
дышит твоя душа.

Ночью по несколько раз прислушивался:
спишь ли, читанешь ли, сносишь ли боль?
Не было в длинной жизни лучшего,

чем эта жалость, страх, любовь.

Чем только мог, с судьбою рассчитывался,
лишь бы не гас язычок огня,
лишь бы ещё оставался и числился,
лился, как прежде, твой свет на меня.
(1991: 3,386).

Когда поэт восклицает: “Не было в длинной жизни лучшего, чем эта жалость, страх, любовь”, это уже носит почти заклинательный характер.

Заметим, что любовь стоит в этом ряду на третьем месте, после жалости, после страха.

В другом стихотворении “Таниного” цикла “язычок огня” -- слабое продолжение жизни-- перерастает в гиперболу огня, страстный монолог-заклинание, где огонь крематория и огонь любви соединяются в образ могучей поэтической силы. Вот эти стихи:

Мне легче представить тебя в огне, чем в земле.

Мне

легче
взвалить на твои некрепкие плечи
летучий и лёгкий,
вскипающий груз огня,
как ты бы сделала для меня.

Мы слишком срослись. Я не откажусь от желания
сжимать, обнимать негасимую светлость пыланья
и пламени
лёгкий , летучий полёт,
чем лёд.

Останься огнём, теплотою и светом,
а я, как могу, помогу тебе в этом.
(1991:3,389).

Поэзия заклинаний является одним из жанров обрядовой поэзии. Заклинательные песни служили древнему человеку в его борьбе с природой, с враждебными силами. Обычно заклиательные песни -- это монологи, которые начинаются с обращений и завершаются просьбой-заклятьем. Поэзию заклинаний отличает целенаправленность, восклицательные интонации, императивные формы, эпитеты, сравнения.

Стихотворение Слуцкого начинается со страстного обращения к любимой и кончается заклинанием: “Останься огнём, теплотою и светом, а я, как могу, помогу тебе в этом”. Перед нами дольник на основе разностопного амфибрахия, анжанбеманы. Всё это, а также обилие эпитетов (некрепкие плечи; летучий и лёгкий, вскипающий груз огня; негасимая светлость пыланья; пламени лёгкий летучий полёт), ассонансы на “и” и “е” придают стихотворению упругость, движение, экспрессию. Если почти во всех стихах “Таниного” цикла звучит любовь-жалость, любовь-сострадание, то здесь затрагивается эротическая тема, проявляется языческое начало, присущее поэзии заклинаний. Образ огня у Слуцкого не случаен. Вспомним, что у Тютчева образ любимой отождествляется с образом воды, моря. Одно из таких стихотворений Тютчев написал в Ницце через шесть месяцев после смерти Денисьевой. И хотя в нём нет ни слова о Денисьевой, читатель может догадаться, что великий поэт воспекает море, думая о любимой:

В этом волненьи, в этом сияньи,
Весь, как во сне, я потерян стою --
О как охотно бы в их обаяньи
Всю потопил бы я душу свою...

(Тютчев 1965: 1,195).

Если у Тютчева -- “море ночное”, с его сиянием, живостью, изменчивостью и бесконечностью (бесконечность моря и бесконечность чувства: “Любила ты, и так, как ты, любить-- Нет, никому ещё не удавалось”) возвращает поэта к любимой, то у Слуцкого -- это “летучий и лёгкий вскипающий груз огня”, с его негасимой светлостью пыланья, с его теплотой.

Стихотворение “Последний взгляд” очень характерно для поэтики Слуцкого:

Жена умирала и умерла --
в последний раз на меня поглядела,--
и стали надолго мои дела,
до них мне больше не было дела.

В последний раз взглянула она
не на меня, не на всё живое.
Глазами блеснув,
тряхнув головою,
иным была она изумлена.

Я метрах в двух с половиной сидел
какую-то книгу спроста листая,
кагда она переходила предел,
тряхнув головой
глазами блистая.

И вдруг,
хорошея на всю болезнь,
на целую жизнь помолодела
и смерти молча сказала: “Не лезь!”
Как равная,
ей в глаза поглядела.

(1991: 3,385).

Вполне вероятно, что в этом стихотворении Слуцкий отталкивается от тютчевского шедевра “Весь день она лежала в забытьи”, где описан предсмертный взгляд “...на всё живое”(у Тютчева “вся жизнь--рифма к природе”), в отличие от стихотворения Слуцкого, в котором идёт бой с самой смертью. У Тютчева -- сначала тихое, безысходное горе, любовь, дыхание природы, одухотворённость, покорность судьбе (“так легко не быть”), а потом в конце взрыв -- “тема испепеляющей страсти-борьбы”:

Любила ты, и так, как ты любить--

Нет, никому ещё не удавалось!

О господи!.. и это пережить...

И сердце на клочки не разорвалось...

(Тютчев 1965: 1, 194)

И как это часто бывает у Тютчева, благодаря последней строфе стихотворение приобретает глубокий подтекст и уже воспринимается поиному.

У Слуцкого, -- сначала то же безысходное горе, любовь, бесконечная усталость, (природа, как почти всегда, отсутствует), а потом -- волевое начало, протест. Слуцкий не может примириться со смертью. Вспомним ещё раз самоеловское: “Гипс на ране -- вот поэтика Слуцкого”. (Самойлов 1995,168). Здесь -- рана оголена. Слуцкий так же, как и Тютчев не боится “обнажить ранимое нутро”. Снова обратимся к Н. Берковскому. Он говорит, что в “Денисьевском” цикле Тютчева проявляется влияние русского романа и русской драмы, “где так велик талант входить в чужую жизнь изнутри, отождествляться с ней, говорить и действовать от её имени”. (Берковский 1962:76). Это как будто бы сказано о Слуцком. Только Слуцкий мог написать: “Жена умирала и умерла”. Так буднично о трагическом, о самом главном. Между “умирала” и “умерла”-- целая пропасть. Как здесь не вспомнить его строчку из давнего стихотворения:

“а война была -- и прошла”. И это говорит один из лучших поэтов военного поколения! Невероятно! Поистине “самосмирение духа”. В известном стихе

“Старухи и старики” старухи, похоронив своих мужей, “...болтали о смерти, словно/ Она с ними чай пила ежедневно,/ Такая же тощая, как Анна Петровна, /Такая же грустная, как Марья Андревна”. Здесь всё-таки чувствуется уважение к смерти. В “Последнем взгляде” смерть сначала воспринимается как неизбежное зло, от которого никуда не деться, а потом к ней относятся просто непочтительно. Так непочтительно, что ей можно как равной посмотреть в глаза и влечь: “Не лезь!” Нужно сказать, что смерть -- частый гость в стихах Слуцкого: смерть на поле боя, смерть в сталинских лагерях, убийство и самоубийство, старость и смерть, болезнь и смерть, смерть как абстрактное философское понятие. У Слуцкого так часто бывает: от абстрактного к ежедневному, земному, вещественному, подчас трагическому. Материализация, опредмечивание, грубая вещественность нужны Слуцкому для того, чтобы всё ухватить, во всём разобраться, и ... защитить, помочь. Этой же задаче он подчиняет язык: прозаизмы, разговорная интонация нужны, чтобы приблизиться к человеку... Писать о смерти в любом контексте было не очень принято в советской поэзии. Стихи Слуцкого -- вызов “бодрячеству” в поэзии. Юрий Бондарев в своих комментариях к трёхтомнику поэта писал, что это качество поэзии Слуцкого “выражало стремление к высвобождению живой жизни из-под идеологического гнёта”. (1991: 3, 481).

Таня умерла 6 февраля 1977 года в 5 часов 40 минут вечера. В одной из последних тетрадей Слуцкого читаем: “Я сидел в коридоре, думая об этой сегодняшней ночи, которой теперь никогда не будет, о том как Таня будет мучиться, о том, что ничего, кроме мучений её не ожидает и сочинял”:

Медленно движется полночь.

(Ход) Шаг её мерить не смей.

Самая скорая помощь--

Самая скорая смерть.

Не помедли, не помедли,

Мчась, и звеня, и трубя.

Как это люди посмели

Дурно сказать про тебя.

(Слуцкий 1957-58, РГАЛИ)

В этом стихотворении уже другое отношение к смерти. Здесь смерть - “избавительница”.

В конце статьи хочется привести слова Ильи Фаликова о “Танином цикле”:

Скорбная лирика 77-го года - не история любви. Плач по жене. По единственному последнему другу. Не Лаура и не Беатриче -- Таня. Может быть, эти стихи -- самое человеческое из всего, что написал Слуцкий. Смерть - на войне -- научила его писать стихи. Смерть -- жены -- оборвала его речь, вызвав последний выплеск стиха”. (Фаликов 2000: 106).

Конечно же, это прекрасные стихи, но это не “самое человеческое из всего”, написанного им. “Танин” цикл -- составная, неразрывная часть всего творчества поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Берковский, Н. Я. “Ф. И. Тютчев”. *Ф. И. Тютчев*, Малая Серия. Советский писатель, Москва-Ленинград, 1962, стр. 5-78.

Иосиф Бродский. “Об одном стихотворении”. *Набережная неисцелимых*. Слово/Slovo, Москва, 1992, стр. 86 - 140.

Лавлинский, Лев. “Без уступок”. *Литературное обозрение*, № 10, 1989, стр. 21-28.

Пруссакова, И. “Борис Слуцкий. Характер и судьба”. *Нева*, № 11, 1993, стр. 273-278.

Самойлов, Давид. “Друг и соперник”. *Памятные записки*. 152-177, Международные отношения, Москва, 1995.

Борис Слуцкий. РГАЛИ. Ф. 3101, № 58, с. 4.

_____. *Собрание сочинений в трёх томах*. Составление с научной подготовкой текста, комментарии Ю. Болдырева. Художественная литература, Москва, 1991.

Ф. И. Тютчев. *Лирика. В 2-х томах*. Наука, Москва, 1965.

Илья Фаликов. “Красноречие по-Слуцки”. *Вопросы литературы*, № 2, 2000, стр. 62-110.

Илья Эренбург. “О стихах Бориса Слуцкого”. *Литературная газета*, 28 июля, 1956, стр. 6.